

Е.А. Евтушенко

Казнь Стеньки Разина

Как во стольной Москве белокаменной
вор по улице бежит с булкой маковой.
Не страшит его сегодня самосуд.
Не до булок...

Стеньку Разина везут!

Царь бутылочку мальвазии выдаивает,
перед зеркалом свейским
прыщ выдавливают,
Примеряет новый перстень-изумруд —
и на площадь...

Стеньку Разина везут!

Как за бочкой бокастой
бочоночек,
за боярыней катит боярчоночек.
Леденец зубенки весело грызут.
Нынче праздник!
Стеньку Разина везут!

Прет купец,
треща с гороха.
Мчатся вскачь два скомороха.
Семенит ярыжка-плут...
Стеньку Разина везут!!
В струпьях все,
едва живые
старцы с вервием на вые,
что-то шамкая,
ползут...
Стеньку Разина везут!

И срамные девки тоже,
под хмельком вскочив с рогожи,
огурцом намазав рожи,
шпарят рысью —
в ляжках зуд...
Стеньку Разина везут!

И под визг стрелецких жен,
под плевки со всех сторон
на расхристанной телеге
плыл
в рубахе белой
он.

Он молчал,
 не утирался,
весь оплеванный толпой,
только горько усмехался,
усмехался над собой:
«Стенька, Стенька,
 ты как ветка,
потерявшая листву.
Как в Москву хотел ты въехать!
Вот и въехал ты в Москву...
Ладно,
 плюйте,
 плюйте,
 плюйте —
все же радость задарма.
Вы всегда плюете,
 люди,
в тех,
 кто хочет вам добра.
А добра мне так хотелось
на персидских берегах
и тогда,
 когда летелось
вдоль по Волге на стругах!
Что я ведал?
 Чьи-то очи,
саблю,
 парус
 да седло...
Я был в грамоте не очень...
Может, это подвело?
Дьяк мне бил с оттяжкой в зубы,
приговаривал,
 ретив:
«Супротив народа вздумал!
Будешь знать, как супротив!»
Я держался, глаз не прятал.
Кровью харкал я в ответ:
«Супротив боярства —
 правда.
Супротив народа —
 нет».
От себя не отрекаюсь,
выбрав сам себе удел.
Перед вами,
 люди, каюсь,
но не в том,
 что дьяк хотел.
Голова моя повинна.

Вижу,
сам себя казня:
я был против —
половинно,
надо было —
до конца.

Нет,
не тем я, люди, грешен,
что бояр на башнях вешал.
Грешен я в глазах моих
тем, что мало вешал их.
Грешен тем,
что в мире злобства
был я добрый остолоп.
Грешен тем,
что, враг холопства,
сам я малость был холоп.
Грешен тем,
что драться думал
за хорошего царя.
Нет царей хороших,
дурень...
Стенька, гибнешь ты зазря!»

Над Москвой колокола гудут.
К месту Лобному
Стеньку ведут.
Перед Стенькой,
на ветру полоща,
бьется кожаный передник палача,
а в руках у палача
над толпой
голубой топор,
как Волга, голубой.
И плывут, серебрясь,
по топору
струги,
струги,
будто чайки поутру...
И сквозь рыла,
ряшки,
хари
целовальников,
менял,
словно блики среди хмари,
Стенька
ЛИЦА
увидал.
Были в ЛИЦАХ даль и высь,
а в глазах,
угрюмо-вольных,
словно в малых тайных Волгах,

струи Стенькины неслись.
Стоит все терпеть бесслёзно,
быть на дыбе,

колесе,
если рано или поздно
прорастают

ЛИЦА

грозно
у близких на лице...

И спокойно

(не зазя он, видно, жил)

Стенька голову на плаху положил,
подбородок в край изрубленный упер
и затылком приказал:

«Давай, топор...»

Покатилась голова,
в крови горя,
прохрипела голова:

«Не зазя...»

И уже по топору не струги —
струйки,

струйки...

Что, народ, стоишь, не празднуя?

Шапки в небо — и пляши!

Но застыла площадь Красная,
чуть колыша бердыши.

Стихли даже скоморохи.

Среди мертвой тишины
перескакивали блохи
с армяков

на шушуны.

Площадь что-то поняла,
площадь шапки сняла,
и ударили три раза,
клокоча,

колокола.

А от крови и чуба тяжела,
голова еще ворочалась,

жила.

С места Лобного подмоклого
туда,

где голытьба,

взгляды

письмами подметными

швыряла голова...

Суетсяь,

дрожащий попик подлетел,
веки Стенькины закрыть он хотел.

